

полюсов (вспомним: “мертвые души”, “зияющие высоты”, “жар холодных чисел”).

Во-вторых, уникальной фигурой отечественной культуры является *русский юродивый*. В России фигура юродивого занимает особое место. Он концентрирует в себе тот язык культуры, “на котором Тайна свидетельствует о Себе”. Все в нем подчинено инверсии и логике оксюморона, ибо он соединяет несоединимое, противоположное и только в этом самом сочетании остается юродивым, а не праведником или просто шутом. Если попытаться дать ему определения, то они примут следующие формы: “гениальный безумец”, “соблазняющий спаситель”, “проповедующий молчаливник”, “серьезный смехач” и т.д. Безусловно, и в европейской культуре можно найти умного шута, клоуна, но не праведного дурака. Кстати сказать, фигура Ивана-дурака в русских сказках (своего рода светская параллель юродивого), который приговорен к победе, также не имеет аналогов в европейском фольклоре (там главный герой - царевич).

Наконец, для русского человека предельный трагизм существования на границе жизни и смерти часто оказывается условием ощущения высшего счастья. То есть имеет место ситуация экзистенциального “синтеза без синтеза”, когда трагически разорванные тезисы бытия дают возможность испытать и пережить самый глубокий духовный опыт. Вероятно, в преобладании инверсионной логики и логики оксюморона и состоит специфика отечественной культуры.

В.А. Апрелева

МУЗЫКА КАК РЕАЛЬНОСТЬ И КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Дуализм “идеальное - материальное” пронизывает западную философскую, религиозную, научную мысль, определяя жизненную ситуацию западного человека. Как субъект, человек отделен непреодолимой пропастью от объективной истины. В случайных обстоятельствах своего существования он тщетно надеется постигнуть бытие. Конечный, он тоскует по бесконечному и желает приобщиться к духу, дающему жизни стремление к цели и смысл всему в мире.

Однако действительно ли мир разделен непреодолимой пропастью на трансцендентное - имманентное, вечное - преходящее, идеальное - материальное? В самом ли деле мир таков, каким он представляется западному мышлению?

Мы не знаем, каков мир сам по себе. К.Юнг писал об этом: “Мир существует не только сам по себе, но и таким, каким он представляется

мне. Поистине, на самой глубине у нас нет абсолютно никакого критерия, который помог бы нам судить о мире, не усвоенном субъектом”¹.

Музыкальное искусство Запада с античных времен считалось особым способом постижения объективной истины, источником эзотерического знания и духовной силы, откровением о сущности Реального. Истина заключалась не в звуке, а в гармонии - в числах и числовых отношениях, отражающих универсальные законы.

Напротив, сознание восточного человека не делит Единое на видимое и невидимое, вечное и преходящее, материальное и идеальное. Здесь музыкальный звук выступает как голос самой Природы, подслушанный у нее и воспроизводимый посредством имитации, а не как проводник трансцендентальных истин. С самого начала он не отделим от ритма, который не выводится из чисел, но тайно присущ природе вещей. Индийский музыкант - суфит верит, что все творение есть звук, и что все в мире создается тоном и ритмом: “звук есть жизнь жизни”. Через знание и восприятие звука человек может не только проникнуть в тайну собственных мыслей и чувств, познавая трансцендентальное. Музыка - это голос самой Реальности, услышанный и воспроизводимый человеком. Музыканты Древнего Востока связывали первоначальный смысл своего искусства - ритмические и мелодические формулы, звучание инструментов - с многообразными космогоническими коннотациями. Это изначальные элементы мира, природные стихии, небесные тела, материальные субстанции, дни недели, времена года и т.д.

Таким образом, и на Западе, и на Востоке музыка издревле почиталась как путь постижения трансцендентного и трансцендентального. На Западе в ней видели носительницу мудрости, истины и красоты, приближающую человека к вечной сущности мира и жизни. На Востоке связи музыки с трансцендентным опирались не на условности конвенций, а на безусловности веры, на переживания гораздо более реальные, чем способности человека воспринимать эмпирический мир.

В этом смысле музыку можно назвать мифом в его конкретно воплощенной сущности и динамике. Свобода от концептуальной отвлеченности слов дает музыке большую силу непосредственно вовлекать человека в свой мир. Подобно мифу, она реализует опыт не эмпирический и личный, а коллективный и архетипический. “Музыка схожа с мифом, подобно мифу, она преодолевает антиномию исторического, преходящего времени и постоянства структуры”, - пишет К.Леви-Стросс². И музыка, и миф разворачиваются во временной последовательности, но существуют и воспринимаются вне физического, обыденного времени. Их жизнь протекает в изменчивости, и все же в сохранении безошибочно узнаваемого лика - не вещи, тождественной самой себе, а динамичного процесса, внушающего

---

¹ Jung C.G.. Psychological Types // The Collected Works. Vol. 6. P. 621.

² Levi-Strauss C. Mythologiques I, Leeru et le cuit. Paris, 1964. P. 28.

сильные эмоции, таящего глубокий смысл. Музыка издавна служила излюбленной темой самых разных мифологий, в которых она представляла магической силой, способной исцелять болезни, освобождать человека от рабства времени, божественным даром, подражанием музыке Сфер, причиной поддержания или разрушения мировой гармонии и социального порядка.

Музыка и сама живет в мифологическом мире. Миф есть не выдумка или фикция, но диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще.

Внутри самого себя миф содержит диалектику первоизданной, доисторической, не перешедшей в становление личности и личности исторической, становящейся. Миф - неделимый синтез этих обеих сфер. Именно чудо есть то, что так подчеркивает темную природу мифа, делает ее напряженной и углубленной. Наконец, миф - не субстанциональное самоутверждение личности в вечности, но энергичное, феноменальное ее самоутверждение, независимо от проблемы взаимоотношений вечности и времени.

Соответственно музыка - это пребывание в реальности, открытие реальности, которая материализуется в звучащем поле, развернутом во времени, необходимом для осуществления этой, уже метафизически существующей реальности в душе человека. Музыка есть реальность композитора, исполнителя, слушателя, когда, оставив суждения, он теряет в ней свое Я, отождествляется с ней, становится частью, тождественной целому.

Таким образом, музыка не только путь к постижению сущности бытия, трансцендентного, вечного, она представляет собой особый мир, обладающий собственным бытием. Она не рассказывает об этом мире, не описывает его, но сама есть этот мир.

В.Д. Жукоцкий

РЕЛИГИЯ В МИРЕ КУЛЬТУРЫ ИЛИ КУЛЬТУРА В МИРЕ РЕЛИГИИ?

Ситуация всеобщего интереса к религиозным вопросам, в его самых неожиданных экспрессивных проявлениях - первейший симптом общественного неблагополучия. Так было в России на рубеже XIX - XX вв. Так происходит и сейчас. Едва ли можно сознательно повлиять на эту объективно развивающуюся социально-культурную ситуацию. Но попытаться *понять* ее и хотя бы отчасти скорректировать вполне возможно. Быть может, главная методологическая проблема сегодня заключается в том, как соотносятся *континуумы* религии и культуры? Теологическая версия гласит: первый порождает и поглощает второй. Светская версия утверждает обратное. Следовательно, решающий вопрос состоит в возможности их со-